

ГЛАВА 1

Выйдя на крыльцо университета, я остановилась и полезла в сумку за зонтиком. Бархатный сезон в этом году не задался: неделю назад зарядили дожди, вынудив бедных туристов проводить отпускные дни в кафе и ресторанах.

Я усмехнулась, поймав себя на мысли о туристах. Прожив в этом приморском городе чуть больше двух лет, я, кажется, наконец начала заражаться пренебрежением местных к тем, кто слетался сюда в сезон отпусков, как стаи саранчи.

— Ну и льет, — раздалось рядом со мной.

Обернувшись, я встретила взглядом с Павлом Николаевичем, привычно улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

История нашего знакомства насчитывала добрый десяток лет. Когда-то Павел Николаевич был моей огромной безответной любовью. Ради него я едва не позабыла семейную установку на запрет романов с женатым мужчиной. Пожалуй, лишь его моральные принципы и здравый смысл не позволили мне сделать глупостей. А еще он заставил меня поверить в себя, и за это я до сих пор была ему благодарна.

Его одобрительные замечания насчет моих литературных способностей стали толчком к тому, что однажды я начала записывать историю, возникшую в моем воображении. Тогда я считала, что мне удалось придумать отличный мир с интересными героями. Пока в один прекрасный момент я не оказалась в этом самом мире, где довольно быстро выяснилось, что никакой я не автор, а банальный передатчик информации и что вырвала меня из нашего мира в тот древняя сила, которой понадобилась жертва.

Вообще-то, когда я пыталась вот так структурировать в голове случившееся пять с лишним лет назад, выходила полная ерунда, и впору было записываться на прием к хорошему

психиатру. Вот только я действительно целых два месяца провела в ином мире, чему имела неоспоримое доказательство, даже целых три: шрам на руке после ранения стрелой, деревянную бусину-оберег и... сына, как бы странно это ни звучало.

А началось все с моей подростковой влюбленности в Павла Николаевича и желания оправдать его веру в мои способности.

Вернувшись в свой мир после двухмесячного отсутствия, я некоторое время чувствовала себя дезориентированной и оглушенной. Мне даже некогда было толком погоревать об оставленных в Свири людях: все силы уходили на то, чтобы заново устроить свою жизнь.

Родители не просто не поддержали меня в решении родить Диму, они поставили ультиматум: либо нагулянный неизвестно где ребенок, либо они. Возможно, для кого-то это прозвучало бы чудовищно, но в моей семье всегда дорожили репутацией, поэтому я ожидала чего-то подобного. И все равно в тот момент оказалась морально не готова.

Я, конечно, выбрала Димку. «А как иначе?» — ответила я тогда разочарованной маме, невольно повторив фразу, сказанную мне однажды Альгидрасом. Я не могла убить своего сына... нашего с ним сына.

Мама позвонила через пару месяцев и предложила выход из ситуации. Ее звонок застал меня по дороге с конференции. К счастью, Дима вел себя в животе вполне сносно. Во всяком случае, слово «токсикоз» я знала только понаслышке.

Выход из ситуации оказался в прямом смысле слова выходом — замуж. За сына ее приятельницы, которому я всегда нравилась и который готов был закрыть глаза на «некие факты», как выразилась мама.

Надо сказать, что под ее давлением я даже задумалась. Кандидат был немолод, называл меня неизменно Наденькой и цитировал Блока. Но потом я представила, что на его коленях будет сидеть мой сын и слушать Блока... Нет, я ничего не имела против Блока. Наоборот. Но от неприятной картины, возникшей

перед мысленным взором, избавиться уже не могла. Мама в ответ на мой отказ пожелала мне удачи в воспитании ребенка и выразила надежду на то, что хотя бы из него выйдет толк. Впрочем, тут же призналась, что особо этого не ждет.

Я прорыдала полдня. Подруга, позвонившая в разгар моих стенаний по поводу собственной ничтожности, дала мне полчаса на сборы и вытащила на выставку абстрактной живописи.

Тогда-то, спустя почти три года после нашей последней встречи, в моей жизни вновь возник Павел Николаевич. Выставка располагалась в нескольких залах, и мы с Ольгой, увлекшись картинами, потеряли друг друга из виду. Остановившись у одного из полотен, я попыталась отыскать указанный в названии дуб, но, увы, работа была действительно абстрактной. Димка неожиданно начал так беспокойно шевелиться, что смотреть дуб мне расхотелось, и в этот момент за моей спиной раздался знакомый голос:

— Справа внизу — корни. Видите, они уходят за раму, в другой мир. А все остальное — крона. Она целый мир создает.

Я обернулась и не поверила своим глазам. Павел Николаевич почти не изменился за прошедшее время. Был все так же свеж, харизматичен и, судя по кольцу на пальце, по-прежнему женат.

— Здравствуйте, Надежда. Безумно рад вас видеть, — с улыбкой произнес он и скользнул взглядом по моему животу, но, к счастью, заострять внимание на этом не стал. — Вы одна?

— Нет, с подругой. — Я поискала взглядом Ольгу, но та куда-то пропала.

В голове билась мысль о том, что Павел Николаевич, разумеется, заметил мою беременность. И отсутствие обручального кольца наверняка тоже заметил.

— Вы не против, если я составлю вам компанию, пока ваша подруга не вернется? — все так же радушно улыбаясь, спросил он и слегка приобнял меня за плечи.

Я, вновь попавшая под каток его обаяния, была не против. И как-то так вышло, что неожиданно для самой себя я рассказала ему правду. Нет, разумеется, не о Свири, а о проблеме

с родителями, о моем отказе от выгодной партии и об испорченной репутации. Он выслушал на удивление серьезно, а потом вдруг сказал:

— Терпеть не могу абстрактное искусство. Оно прячет истину.

Я вежливо кивнула, пожалев о своей неуместной откровенности, а он добавил:

— Вы все правильно сделали, Надежда. И у вас все обязательно получится.

Ольге он сразу понравился. Я познакомила их на той самой выставке. «Импозантный», — заметила она.

С Леной вышло иначе. «Скользкий тип», — заявила та, когда Павел Николаевич, с которым мы как-то незаметно начали общаться, приехал ко мне без предупреждения и привез ортопедическое кресло, хотя о том, что от долгого сидения за ноутбуком на кухонном стуле у меня адски болит спина, я не говорила ни одной живой душе.

Принимать такой дорогой подарок было неловко, но Павел Николаевич обезоруживающе улыбнулся:

— Считайте, что это награда за то, что я спихнул вам двух необучаемых школьников. Мучился с ними почти два года, а теперь вздохнул с облегчением.

В его словах был смысл, потому что некоторое время назад он вправду предложил мне начать зарабатывать репетиторством онлайн и даже обеспечил меня учениками. И вот среди этих самых учеников действительно были два мальчика, мамы которых отчаянно хотели видеть сыновей англоговорящими, а мальчикам на английский было откровенно плевать.

— Почему скользкий? — с недоумением спросила я у Лены, усаживаясь в кресло, которое оказалось невероятно удобным и будто для меня созданным. Павел Николаевич к тому времени с нами уже распрощался.

— Клинья к тебе подбивает, а у самого кольцо на пальце.

Меня этот момент тоже смущал, потому что его участие в моей жизни вправду выглядело странно, но ни одного повода принять его дружеское отношение за что-то большее не было.

О личном мы не говорили. Лишь однажды он спросил об отце моего ребенка, на что я ответила, что мы не можем быть вместе по объективным причинам, но это не мешает мне его любить. Павел Николаевич этот ответ принял, и, что удивительно, в его поведении ничего не изменилось. Он был все так же внимателен, оставаясь при этом в рамках приличия.

Потом родился Димка — и все встало с ног на голову. Беременность сама по себе изменила мою жизнь до неузнаваемости. Сперва я была вынуждена отказаться от командировок, потом — от переводов на выставках, потому что на большом сроке это стало физически тяжело, а вскоре и вообще перешла на удаленную работу, и это не могло не сказаться на зарплате. Поэтому, если бы не предложение Павла Николаевича и не то, что он решил вопрос с поиском учеников, мне пришлось бы туго. Подруги, разумеется, были готовы помочь, но я не хотела становиться для них обузой. Я надеялась, что стоит Диме родиться, как я смогу частично вернуться к привычной активности. Отчего-то материнство представлялось мне эдакой красивой глянцевой картинкой: мы весело агукаем, и вот он уже засыпает, а я спокойно работаю или занимаюсь домашними делами.

Реальность показала, что я была слишком наивна. Первые полгода Димка плохо спал, и в минуты отчаяния я не раз и не два поминала «добрым» словом его горе-папашу, который вот так запросто переложил на меня ответственность за нашего общего ребенка. Если бы не Лена, которая периодически оставалась ночевать, я бы точно свалилась с нервным истощением от недосыпа и голода. Питание оказалось отдельной проблемой. У Димы началась аллергия буквально на все. В итоге к его шести месяцам я ела только гречневую кашу с куриной грудкой, а он все равно орал как резаный и мучился то коликами, то диатезом. Я разрывалась между жалостью к сыну, жалостью к себе и боязнью не справиться, потому что отложенные на черный день деньги таяли с катастрофической скоростью, а проводить онлайн-занятия в такой обстановке было невозможно.

Дошло до того, что я позвонила маме и спросила, не может ли она изредка сидеть с Димкой вечерами, чтобы я могла работать, но мама ответила, что не может. И в общем-то, имела на это право: рожать ребенка без мужа и достаточной финансовой подушки было моим решением.

Однажды Лена спросила, не жалею ли я о том, что оставила Димку. Мне даже не пришлось задумываться над ответом. Как я могла жалеть? Он был рядом, улыбался, крепко держал меня за палец и смотрел так внимательно, что я начинала понимать всех тех, для кого материнство становится смыслом жизни. Я только от всей души надеялась, что сохраню рассудок до того момента, когда он чуть повзрослеет и нам с ним станет легче.

За несколько недель до рождения Димки Павел Николаевич перестал появляться в моем доме. Он как-то признался, что ему сложно видеть маленьких детей. Насколько я поняла, у них с женой произошло несчастье. О подробностях он не распространялся, а я не расспрашивала. Просто вздохнула с облегчением, потому что не готова была в данный момент ни принимать, ни отвергать чьи-либо ухаживания.

Когда мы с сыном выписались из роддома, Павел Николаевич прислал в подарок автоматические качели и развивающий коврик. И то и другое Димке понравилось. Мне же вновь стало неловко. Я даже позвонила ему, чтобы отказаться, но он попросил не обижать его. При этом его голос звучал так спокойно и уверенно, что я сдалась.

Вечерами, лежа в постели и слушая сонное сопение Димки, я думала о том, что, пожалуй, могла бы связать свою жизнь с таким положительным во всех отношениях человеком, если бы не... Препятствий было несколько.

Он не скрывал своего семейного положения, мог между делом заметить, что его супруга любит звучащую по радио песню или же что у нее аллергия на оливки, поэтому дома их не бывает. И замечания эти были такими естественными, что не оставляли места для двусмысленности: Павел Николаевич был женат и его этот факт устраивал.

Еще одно но — Димка. Вернее, отношение к нему Павла Николаевича. Я допускала, что мне могло это только казаться, но он смотрел на моего сына так, будто тот был инопланетным субъектом, который нужно изучить. Я пыталась списывать это на его личную трагедию. Но странность заключалась в том, что, вопреки сказанному ранее, Павел Николаевич вовсе не избегал встреч с ребенком. Просто всегда держался чуть в стороне, наблюдая. И это сбивало меня с толку.

Самым же главным но был, конечно, Альгидрас. Время шло, а я понимала, что навеянное Святыней чувство не просто никуда не делось, хотя по логике должно было, — оно, казалось, лишь усиливалось. Он снился мне каждую ночь. И это было не так, как я ожидала, когда мечтала видеть дорогих сердцу людей и знать, что у них все в порядке. Чаше всего сны представляли собой бессюжетные картинки. Вот он улыбается, глядя на меня, вот что-то вырезает из куска дерева, целится из лука, рассказывает истории. И смотрит, смотрит. Так, как не смотрел на меня никто и никогда.

А потом в моей жизни настал переломный момент. Димкина аллергия стала прогрессировать со страшной скоростью, и, в очередной раз придя от врача со списком лекарств, я просто села на пол и разрыдалась от бессилия. И тут позвонил Павел Николаевич. Сперва я хотела сбросить его звонок, но потом все же ответила, и меня прорвало. Я рыдала в трубку, рассказывая о Димкиной аллергии на все подряд, о списке препаратов, среди которых снова были гормоны, о том, что у меня уже нет сил и я не могу больше видеть гречневую кашу.

Павел Николаевич выслушал мою истерику, не перебивая, а потом сообщил, что у него есть решение и что завтра с утра он ко мне заглянет, чтобы это обсудить.

Решение заключалось в переезде к морю. Оказалось, он принял предложение крупного вуза возглавить кафедру европейских языков. И раз уж так вышло, что Диме явно не подходила московская экология, Павел Николаевич посчитал, что мне стоит подумать о смене места жительства. Он полагал, что

морской воздух и более мягкий климат помогут уменьшить проявления аллергии, а может, чем черт не шутит, через несколько месяцев мы и вовсе забудем, что она была. А потом он назвал город, и я, наверное, изменилась в лице, потому что он вскочил и, налив мне воды, предложил открыть форточку.

Смешно. Как решение всех проблем Павел Николаевич предложил ни много ни мало переехать туда, откуда началось мое путешествие в Свирь.

Так я оказалась жителем приморского города и теперь стояла на крыльце местного вуза, думая о том, как бы добраться до дома, не утонув, потому что на этот самый приморский город вдруг обрушился тропический ливень.

— Давайте я вас подброшу? — предложил Павел Николаевич.

Забавно, но мы все еще обращались друг к другу на «вы». А я его еще и по имени-отчеству величала. Наверное, подсознательно хотя бы так пыталась держать дистанцию.

— Согласна.

Перспектива идти домой по колено в воде меня не вдохновляла.

Павел Николаевич достал из кармана ключи и собирался было спуститься с крыльца, когда один из вышедших за нами студентов врезался в него на полном ходу и, даже не извинившись, сбежал по ступеням под струи дождя.

Ключи вылетели из руки Павла Николаевича, но он успел их поймать, а мое сердце сперва ухнуло в желудок, а потом заколотилось в горле. Торопившийся куда-то студент со спины был дико похож на Альгидраса, несмотря на то что на нем были джинсы и толстовка с капюшоном. Что-то в телосложении, в походке... Я смотрела на него сквозь пелену дождя и гадала, когда же это закончится. Когда я перестану вздрагивать и искать хвнца в толпе? Его нет! И если бы не Димка, я была бы уверена, что его и не было никогда: новая жизнь так меня поглотила, что Свирь казалась лишь отголоском сна, далекого и несбыточного. Я почти не помнила лица тех, кто там остался. Пыталась искать в Сети их имена, но если Миролюбы и Радимы еще

попадались, то единственный Алвар, которого удалось найти, оказался финским архитектором, родившимся в конце девятнадцатого века. К тому же ударение в его имени падало на первый слог. Альгидрасов же не было вовсе.

— Молодежь в наше время не имеет понятия об уважении, — глубокомысленно изрек рядом со мной Павел Николаевич.

Я бросила на него взгляд и невольно улыбнулась. Внешне он не слишком отличался от упомянутой молодежи. На студента, конечно, уже не тянул, но в свои тридцать три выглядел, пожалуй, почти так же, как в бытность моим преподавателем.

В машине Павла Николаевича всегда пахло чем-то сладким, и каждый раз это странным образом напоминало мне о благоуханиях Всемилы. Источник запаха я так и не обнаружила, а спросить все время стеснялась.

Павел Николаевич приоткрыл окно, чтобы выпустить какого-то жучка, и запах моря, смешавшись с запахом салона его машины, возвратил меня в Свирь. Я вспомнила румяный хлеб, который пекла Добронег, и подумала о том, что ребенку Радима должно быть уже около пяти, если время там идет так же. Очень хотелось верить, что он растет беззаботным всеобщим любимцем. Я на миг представила, как не умеющий говорить тихо Радим шепчет, боясь разбудить малыша, какой он в этот момент неловкий и трогательный одновременно, и на глаза навернулись слезы.

Отвернувшись к окну, я украдкой вытерла глаза, а потом спросила:

— Чем здесь пахнет?

— Морем, — чуть насмешливо ответил Павел Николаевич.

— Нет, в машине. Чем-то сладковатым. Как... духами.

— Наверное, ими и пахнет, — улыбнулся он. — Мила любит яркие ароматы.

— О, понятно, — протянула я.

Разумеется, у нормальных людей все объяснялось просто. Всего лишь жена любит яркие ароматы, и поэтому ими пахнет

в машине. Это только у меня в голове благовония. Впрочем, думаю, мало кого закидывало в другой мир.

До Димкиного садика мы доехали в молчании. Павел Николаевич припарковался у облупленного забора и повернулся ко мне. Когда он смотрел так пристально, мне становилось неуютно. Сразу вспоминалось, сколь многим я ему обязана.

— Все в порядке? — наконец спросил он.

— Да. Просто, наверное, никак не могу привыкнуть.

— К морю?

— И к нему тоже. Оно живое. Дышит.

— О да, — с энтузиазмом подхватил Павел Николаевич. — А вы знаете, что Черное море уникально?

Я с улыбкой покачала головой. Если его что-то интересовало, он рассказывал об этом так, что у слушателей не оставалось шанса не увлечься тоже.

— Оно наполовину мертвое, представляете? Из более чем двух километров глубины обитаемо лишь около ста пятидесяти или двухсот метров. А под ними абсолютно безжизненное пространство.

По моей коже отчего-то побежали мурашки.

— А почему?

— Сероводород. Он выделяется при разложении погибших организмов.

— Но тогда так должно быть в каждом море.

— Должно, Надежда, вы правы. Но так произошло лишь с Черным.

— Сера ведь горит. — Я вспомнила спички. — А что насчет сероводорода?

— Он тоже горючий и взрывоопасный. Представьте себе потенциальный огонь под толщей воды. Две стихии, не способные ужиться вместе, тысячелетиями существуют рядом в Черном море.

— И никогда не было катаклизмов?

— Ну конечно были. В двадцать седьмом году прошлого века случилось землетрясение, изрядно испугавшее всех, кто

находился на побережье. Люди в панике покидали дома, туристы спешили прочь, а в воздухе пахло серой.

— Вы так рассказываете, будто видели это сами, — рассмеялась я.

— У меня живое воображение. Такое же, как и у вас, — он улыбнулся, глядя мне в глаза, и я вновь почувствовала неловкость.

— Мне пора за сыном. Спасибо, что подвезли.

Я подняла с коврика у ног мокрый зонтик и собралась было выйти из машины, когда ладонь Павла Николаевича легла на мое предплечье. Я посмотрела на его загорелую руку. Вот уж кто дружил с солнцем, в отличие от меня. Впрочем, это было не удивительно: насколько я знала, он увлекался туризмом.

— Мне кажется, вас что-то тревожит, — произнес Павел Николаевич. И я наконец решилась:

— Я не могу понять, почему вы мне помогаете. Меня напрягает то, что рано или поздно вы можете потребовать некую... оплату за свое участие в моей жизни, и...

Павел Николаевич убрал руку и отодвинулся от меня к водительской двери. Смотрел он при этом так, что я немедленно почувствовала себя виноватой.

— Я дал повод думать о себе подобным образом?

— Нет, — замотала головой я, готовая отступить, но потом все же решила идти до конца: — Просто я не могу понять причин вашего участия.

В голове прозвучал Ольгин голос: «Дура! Такой мужчина, а ты...»

Павел Николаевич перевел взгляд на лобовое стекло, на котором дождевые струи размывали очертания низенького здания Димкиного садика, вздохнул, потом открыл рот, закрыл его и усмехнулся. Я смотрела на знакомый профиль, ловя малейшее изменение в его лице, и думала о том, что несколько лет назад умерла бы от счастья, если бы мы вот так сидели в одной машине и он подбирал слова, чтобы мне ответить. Но все это было до Свири.

— Вы мне нравитесь, Надежда, — наконец произнес Павел Николаевич, по-прежнему глядя вперед. — Но это не то, чего вам стоит опасаться.

— Поясните, — попросила я, потому что фраза была очень странной.

— Моя жена больна, и этот факт сковывает меня по рукам и ногам. При других обстоятельствах я бы сделал вам предложение.

Я нервно усмехнулась, чем вызвала его улыбку.

— Да, я немного старомоден. Последствия воспитания суровой матушки.

«Он никогда не рассказывал о своей семье. На самом деле он вообще очень мало о себе рассказывал», — вдруг поняла я.

— Но обстоятельства сложились так, как сложились, — продолжил он, наконец повернувшись ко мне. — Поэтому повторю: вам нечего опасаться. Я же со своей стороны сделаю все, чтобы облегчить вашу жизнь и увидеть вас счастливой, не претендуя ни на что взамен.

— И все это только потому, что я вам нравлюсь? — я даже не пыталась скрыть недоверия в голосе.

— Возможно, я выбрал неверное слово, моя милая Надин. Но пусть будет «нравитесь». Оно позволяет нам сделать вид, что этого разговора не было, и жить как раньше.

Он улыбнулся так, как улыбался студентам на лекциях, — немного иронично и очень ярко. Мое же внимание уцепилось за это странное восточное «Надин». Прежде он никогда меня так не называл.

— Вас ждет сын, а меня ждут дела, — произнес Павел Николаевич, забрал из моих рук зонт и вышел из машины.

Обойдя ее, он распахнул пассажирскую дверь, раскрыл зонт и протянул мне мокрую ладонь. Я приняла его руку и, выбравшись из салона, тут же угодила в холодную лужу.

— Последний вопрос, — сказала я, решив закрыть все гештальты. — Я... понравилась вам, еще когда вы были моим преподавателем?

Мы стояли под кислотно-желтым куполом, и с волос Павла Николаевича текла вода. Станным образом это тоже откинуло меня в Свирь. Там в дождь все промокали до нитки.

Павел Николаевич несколько секунд смотрел мне в глаза, а потом, отрывисто кивнув, передал мне зонт и шагнул назад, вновь оказываясь под дождем.

— Спасибо, что подвезли, — неловко пробормотала я, сжимая пластиковую ручку, еще хранившую тепло его ладони. — Хорошего дня.

— И вам, — ответил он и направился к водительской двери.

Идя по двору садика, я чувствовала даже не грусть, а что-то большее. За улыбками Павла Николаевича, за его умением увлечь беседой любого оказалась такая сложная жизнь. С непростым выбором, которому он следовал, не оглядываясь на других. Господи, в то время как он столько всего делал для меня и Димки, мне даже в голову не пришло спросить, нужна ли помощь ему самому. Ведь иногда простая возможность с кем-то поговорить о своих боли и страхе — это уже невероятно много. Я вновь вспомнила себя в Свири — беспомощную, испуганную — и Альгидраса, который не дал мне сойти с ума всего лишь тем, что подтверждал реальность случившегося. Пусть он не объяснял мое появление там, вернее, объяснял теми категориями, которые казались нелепыми, но то, что он принимал факт моего появления, смирялся с ним, учил меня жить с этим, делало меня настоящей в его мире.

Димка выбежал из своей группы ураганом, едва не сбив меня с ног. Пока он одевался, попутно пересказывая все приключившееся с ним за день, я поглядывала на ливень за окном и понимала, что чувствую беспокойство. Причем уже не первый день и даже не первый месяц. До этого я думала, что всему виной неизвестность в ситуации с Павлом Николаевичем, но вот сегодня я получила тот ответ, который хотела: от меня ничего не требуется, а успокоения это не принесло.

Дима самозабвенно шлепал по лужам, поднимая тучи брызг. Мой ребенок обожал воду, что меня, если честно, напрягало.

Вообще, порой я думала, что решение перевезти сына в город на побережье, тем более в тот самый, из которого я однажды отправилась напрямик в Свирь, — это безумие, и лишь воспоминания о его прежней аллергии примиряли меня с новым местом жительства. Вот только что я буду делать, когда он вырастет и ему станет плевать на мои запреты? Он ведь, как и все местные подростки, будет мотаться к морю без призора.

К вечеру мое беспокойство усилилось. Пока сын играл в лего, я приготовила ужин, после чего мы собрали на скорость четыре пазла, и все это время меня неотступно преследовало желание позвонить Павлу Николаевичу.

После ужина Димка устроился смотреть мультик, а я ушла на кухню и все-таки набрала знакомый номер, отдавая себе отчет в том, что звоню ему сама в первый раз.

Он ответил почти сразу:

— Надежда? Что-то случилось?

— Нет. Не знаю. Просто подумала, может быть, вы хотите поговорить? — сказала я и тут же смутилась.

Некоторое время он молчал, а потом, тихо усмехнувшись, произнес:

— Понятно. Выбросьте из головы все, что я вам сегодня наговорил. Минутная слабость. Больше не повторится.

— Знаете, я очень хорошо понимаю, как тяжело, когда не с кем поделиться. Просто имейте в виду, что, если вам нужно будет поговорить, вам есть к кому обратиться.

Теперь он улыбнулся. Я это услышала.

— Спасибо. Я очень это ценю.

— Отлично. Тогда спокойной ночи.

— И вам.

Закончив разговор, я еще долго смотрела в окно, думая о Павле Николаевиче. Имела ли я право после сегодняшнего признания принимать его помощь и продолжать общение, как раньше? Чувства, которые он озвучил, будто наделили меня ответственностью за сложившуюся ситуацию.

Прокрутив всю нашу многолетнюю историю в голове, я заснула лишь под утро, а на следующий день отправилась на работу, как на битву. Да, от меня не требовалось никаких решительных действий, но именно это и сбивало с толку. Нелогичная жертвенность Павла Николаевича была такой, о которой пишут в рыцарских романах, и мне с трудом верилось, что он действительно ничего не ждет взамен. Я видела во всем этом попытку манипулирования и ничего не могла поделать со своей подозрительностью.

Поднимаясь по ступенькам крыльца института, я почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Надо сказать, в последнее время чей-то взгляд мерещился мне довольно часто. Впору было всерьез решить, что за мной следят, но заметить хоть кого-то пока так и не удалось. Вот и в этот раз я остановилась и, обернувшись, окинула взглядом пространство вокруг. Несколько студентов разговаривали неподалеку, сбившись в кружок. Кто-то направлялся к корпусу. Ничего необычного.

— Доброе утро, Надежда Васильевна, — бодро поздоровался со мной первокурсник Миша.

— Доброе утро, — автоматически улыбнулась я и вошла в здание, потому что Миша придержал для меня дверь, а обижать его отказом не хотелось. К тому же стоять на крыльце в ожидании неизвестно чего было по меньшей мере глупо.

На посту охраны я получила ключи от своего кабинета и направилась к лестнице. Считать ступени было моим ежедневным утренним ритуалом, позволявшим настроиться на предстоящие занятия.

— Доброе утро, Надежда, — бодрый голос Павла Николаевича вырвал меня из задумчивости. — У меня две новости: хорошая и плохая.

Он выглядел совершенно обычно, и я как-то разом забыла о том, что готовилась воевать.

— Давайте с плохой, — со вздохом предложила я.

— С завтрашнего дня Вера Сергеевна уходит в декретный отпуск, и ее группа все-таки переходит к вам.

— А хорошая?

— Я со своей бандой планирую на выходных короткий поход на полдня. Не хотите присоединиться? Думаю, Диме понравится. Да и вы развеетесь.

Я попыталась отыскать в его предложении подвох, но Павел Николаевич улыбался так, что заподозрить его в чем-то было решительно невозможно. Его банда — шумная толпа третьекурсников — состояла из довольно милых ребят, поэтому идея с походом выглядела не такой уж и плохой.

— Я подумаю, — пообещала я.

— Отлично, — улыбнулся он и отправился в сторону своего кабинета, а я осталась стоять, глядя ему вслед и чувствуя смутное беспокойство.

День прошел в суматохе. Первый курс никак не желал перестраиваться со школьной жизни на студенческую, так что пришлось включить режим строгого препода и припугнуть их отчислением. Нахождение в таком режиме требовало эмоциональных сил, поэтому к концу лекции мое настроение порядком подпортилось.

Выходили из универа мы вновь вместе с Павлом Николаевичем, и впору было заподозрить его в том, что он все это подстраивает специально. Сил на непонятные игры у меня после лекций не осталось, поэтому, не дожидаясь его предложения подвезти, я наскоро попрощалась и поспешила уйти.

В чате детского сада сообщили о том, что дети уже возвращаются из библиотеки и родители вскоре могут их забрать. Только тогда я осознала, почему весь день была как на иголках: Димкина группа сегодня ходила на встречу с детским писателем в одну из городских библиотек, а отпустить ребенка в большой мир было для меня непростым шагом.

Судя по сообщениям в чате, в котором сопровождавшие детей мамы указывали подробный маршрут, я успевала еще зайти в магазин.

Группу я увидела сразу. Издали колонна малышей в желтых светоотражающих жилетах была похожа на выводок утят. Они шли парами по противоположной стороне дороги, и я некоторое

время двигалась параллельно, с умилением глядя на сына. Он вел за руку свою подружку Леру, и вид у него был жутко серьезный и ответственный. Почему-то казалось, что Альгидрас в его возрасте был таким же.

Димка увидел меня и помахал. Я помахала в ответ и указала на пешеходный переход, к которому мы оба приближались. Воспитатель, заметив меня, принялась объяснять знаками, чтобы я перешла дорогу, и в это время мой ребенок вдруг выпустил руку Леры и побежал ко мне прямо через проезжую часть. Я закричала: «Назад!», рядом со мной заголосила какая-то женщина и послышался визг тормозов. Я бросилась к сыну, на ходу отшвырнув пакет с продуктами, хотя понимала, что не успею ничего сделать.

Все произошло за доли секунды. Какой-то парень рванул наперерез машине и, обхватив Димку поперек туловища, выдернул его почти из-под колес. В нескольких сантиметрах от меня затормозила машина, ее водитель что-то заорал, но я не слышала. Подбежав к сидящему на земле сыну, я схватила его в охапку и закричала:

— Ты цел?! Дима, ты цел?!

— Сколько раз я говорила держаться за руки?! Сколько раз?! — нервно повторяла рядом с нами воспитательница.

Нужно было встать с дороги и отвести ребенка на тротуар, но я не могла пошевелиться. Я прижимала его к себе изо всех сил и безостановочно целовала во вспотевшую макушку. Кепку он где-то потерял.

— Как мальчик? — раздался испуганный мужской голос. — Я не ожидал, что он побежит. Я его сбил? Сбил, да? Господи!

— Нет, не сбил, — вдруг произнес молчавший до этого Димка и, отстранившись, посмотрел на меня: — Он дядю сбил.

— Дима, — прошептала я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. — Никогда больше так не делай.

— Я соскучился, я... — он сбился и заревел белугой.

Прижав сына к себе, я вдруг сообразила, что не поблагодарила парня, который его спас. Встав с земли и подняв Диму

на руки, я попыталась отыскать спасителя. Из-за собравшихся зевак это оказалось непросто. Какой-то мужчина сунул мне под локоть пакет из супермаркета, и я несколько секунд смотрела на него с недоумением.

— Это ваш. Вы его там бросили, — он указал на тротуар, по которому я шла.

— Спасибо, — поблагодарила я, перехватывая пакет свободной рукой.

Мужчина деловито поправил ремень сумочки, сползший с моего плеча.

— Давайте я вас подвезу до больницы? У тебя что-нибудь болит? — обратился он к немного успокоившемуся Димке.

Тот замотал головой.

— Это может быть от шока. Давайте все же съездим.

— Спасибо, — неуверенно произнесла я и спросила: — А где тот парень?

— Вон там, — указал мужчина на кучку людей сбоку от машины, которая едва не сбила Димку.

Я подошла ближе. Парень в серой толстовке и порванных на колене джинсах сидел на асфальте и мотал головой в ответ на расспросы пожилой женщины. В прорехе ткани виднелось его кровоточащее колено, рука, которой он опирался на асфальт, тоже была стерта.

— Молодой человек, спасибо вам большое, — произнесла я.

Люди расступились, позволяя подойти ближе. Димка вцепился в мою шею изо всех сил.

— В больницу его надо, — посмотрела на меня женщина, которая стояла рядом с пострадавшим. — Он ударился сильно.

Парень что-то тихо ответил и, опершись ладонью о землю, тяжело поднялся.

— Молодой человек, давайте все-таки в больницу?

Под накинутым на голову капюшоном было едва заметно, что он помотал головой.

— Ну тогда хотя бы телефон свой оставьте, — попросила я, глядя в его спину.

Однако он вновь помотал головой и, прихрамывая, пошел прочь.

Рядом с нами притормозила машина ДПС. Молодой патрульный спросил, что случилось, и очевидцы принялись охотно ему рассказывать.

Нас задерживать не стали. Только записали данные. В травмпункте оказалось, что с Димой, слава богу, все в порядке. Всего лишь ушиб локтя. Но ему все равно сделали рентген, и седой усатый врач, похожий на доктора Айболита, очень обстоятельно рассказал ему, что бывает с мальчиками, которые перебегают дорогу в неполюженном месте.

На крыльце травматологии нас встретил Павел Николаевич. Не сказав ни слова, он забрал у меня многотрадальный пакет с продуктами и серьезно спросил у Димки:

— Пойдешь ко мне на шею?

Тот не менее серьезно ответил:

— Не пойду.

Я крепко сжала его ладошку, и мы направились к парковке. Я понятия не имела, как Павел Николаевич узнал о случившемся, но была рада, что нам не придется добираться самим. Димка уснул в машине, хотя ехали мы всего минут двадцать.

Павел Николаевич изредка поглядывал на меня в зеркало заднего вида и ничего не говорил. Я так же молча смотрела в ответ. Припарковавшись у моего дома, он обошел машину и, открыв дверь, взял ребенка на руки. В этот момент я подумала о том, что у нас, наверное, могло бы что-нибудь получиться. В другой жизни. А возможно, и в этой.

Пока я набирала код на замке, Павел Николаевич неотрывно на меня смотрел. Поднимаясь перед ним по лестнице, я тоже чувствовала его взгляд. Отперев дверь в квартиру, я не стала включать свет, чтобы не разбудить сына. Павел Николаевич занес его в комнату и опустил на диван.

— Как вы узнали, что мы в травме?

Он легонько провел рукой по Димкиным волосам, выпрямился и, обернувшись ко мне, произнес:

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

